

Пролог

«Капитану Кристоферу Фелану
Стрелковая бригада, 1-й батальон
Мыс Мапан, Крым
Июнь 1855 года

Дорогой Кристофер.
Я больше не могу вам писать.
Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете.
Я не собиралась сочинять любовные послания, но так
получилось. По пути слова сами собой превратились в за-
печатленные на бумаге удары сердца.
Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Глава 1

*Графство Гемпшир, Англия
За восемь месяцев до этого*

Все началось с письма.

Если вдаваться в подробности, то следует пояснить, что речь в письме шла о собаке.

— Так что же это за собака? — спросила Беатрикс Хатауэй. — Хозяин у нее есть?

Пруденс, первая красавица графства Гемпшир и подруга Беатрикс, подняла глаза от письма поклонника, капитана Кристофера Фелана.

Правила хорошего тона диктовали, что джентльмену не пристало вступать в переписку с незамужней молодой леди, и все же письма исправно курсировали благодаря посредничеству невестки Кристофера.

— Право, Беа, судьба собаки интересует тебя острее, чем благополучие самого мистера Фелана. — Пруденс шутливо нахмурилась.

— Капитан Фелан в моем участии не нуждается, — деловито возразила Беатрикс. — Все невесты Гемпшира обильно осыпают красавца знаками внимания. К тому же он предпочел отправиться на войну и теперь наверняка от-

лично проводит время и с удовольствием разгуливает в новеньком щегольском мундире.

— И вовсе он не щегольской, — последовал мрачный ответ. — В том-то и дело, что мундиры в новом полку просто ужасны: темно-зеленые, с черными обшлагами и черным воротником. Ни золотого шитья, ни яркой строчки — ничего! Когда я спросила, зачем это, капитан объяснил, что темная форма помогает остаться незаметным. Полная бессмыслица: каждый знает, что британский солдат слишком храбр и горд, чтобы прятаться во время сражения. Но Кристофер, то есть капитан Фелан, сказал, что необходимо... кажется, он произнес какое-то трудное французское слово...

— Может быть, камуфляж? — подсказала Беатрикс.

— Точно! А ты откуда знаешь?

— Многие животные пользуются камуфляжем, чтобы прятаться от опасных врагов. Например, хамелеоны меняют цвет. А крылья совы покрыты пестрыми пятнами, под цвет древесной коры. Таким образом, получается, что...

— Ради Бога, только не начинай очередную лекцию о животных!

— Согласна замолчать лишь в том случае, если расскажешь о собаке.

Пруденс протянула письмо:

— Возьми и прочитай сама.

— Нельзя! — запротестовала Беатрикс, с опаской принимая небольшие аккуратные страницы. — Что, если капитан Фелан написал что-нибудь личное?

— Если бы он написал, я была бы просто счастлива! К сожалению, сплошной мрак: ничего, кроме сражений и дурных новостей.

Беатрикс совсем не испытывала желания защищать капитана, но все-таки справедливости ради сочла нужным уточнить:

— Но ведь он на войне, в Крыму. Вряд ли боевые действия доставляют массу приятных впечатлений.

— Ну а я никогда не интересовалась и не интересуюсь чужими странами и даже не пытаюсь притворяться.

Подруга улыбнулась:

— Послушай, Пру, ты уверена, что действительно хочешь стать женой военного?

— Само собой... большинство офицеров никогда не воюют, а остаются в городе и ведут светскую жизнь. Ну а если они соглашаются получать половину жалованья, то и вообще не имеют почти никаких служебных обязанностей и даже не должны проводить время в полку. И капитан Фелан ничем не отличался от других, пока не получил приказ отправиться воевать за границу. — Пруденс пожала плечами. — По-моему, войны всегда случаются некстати. Одно утешает: скоро Кристофер вернется в Гемпшир.

— Правда? Почему ты так думаешь?

— Родители говорят, что война закончится к Рождеству.

— Честно говоря, я тоже об этом слышала. Вот только не преувеличиваем ли мы собственную силу и не преуменьшаем ли возможности русских?

— Фу, как непатриотично! — возмущенно воскликнула Пруденс, не считая нужным спрятать иронию.

— Патриотизм не имеет отношения к тому факту, что военное ведомство в порыве энтузиазма отправило в Крым тридцать тысяч солдат, но не потрудились заранее подготовить кампанию. В итоге наши генералы не могут похвастаться ни знанием местности, ни зрелым стратегическим планом действий.

— Откуда тебе все это известно?

— Регулярно читаю «Таймс». Там каждый день печатают подробный анализ событий. А ты газетами не интересуешься?

— Если и интересуюсь, то только не политикой. Родители говорят, что молодая леди не должна забивать голову подобными проблемами.

— А у нас дома мировые события давно принято обсуждать за ужином, и мы с сестрами непременно участвуем в разговоре. — Беатрикс помолчала и с хитрой улыбкой добавила: — Иногда даже позволяем себе иметь собственное мнение.

Пруденс искренне возмутилась:

— Какой ужас! Что ж, стоит ли удивляться? Все знают, что ваша семья... «другая».

«Другая». Как правило, члены семьи Хатауэй получали не столь мягкие характеристики. Четыре сестры и брат жили вместе. Хозяином дома считался единственный мужчина, Лео, а в подчинении у него находился небольшой женский отряд: Амелия, Унифред, Поппи и Беатрикс. После смерти родителей семейство пережило неожиданный и невероятный зигзаг судьбы: внезапно обнаружилось дальней родство с аристократической ветвью старинного рода, и в результате целого ряда непредвиденных событий Лео унаследовал титул виконта Рамзи, к которому ни он сам, ни сестры не были готовы даже отдаленно. Первым серьезным изменением стал переезд из маленького местечка под названием Примроуз в поместье Рамзи, расположенное на юге Англии, в графстве Гемпшир.

За шесть лет новообращенным аристократам удалось собрать и систематизировать знания, необходимые для безболезненного существования в так называемом благородном обществе. И все же никто из пятерых так и не смог перенять аристократический образ мыслей, приобрести подobaющие положению взгляды на жизнь и довести до автоматизма изысканные манеры. Виконт и красавицы сестры получили огромное состояние, однако к земле и деньгам не прилагалось ни внушительной родословной, ни полезных связей. Оказавшись в столь шатком, двусмысленном

положении, любая другая семья попыталась бы исправить ситуацию выгодными браками, однако Хатауэи издавна женились и выходили замуж исключительно по любви.

Ну а что касается будущего младшей из сестер, то после четырех светских сезонов, проведенных в Лондоне, ее склонность к замужеству вообще стала вызывать большие сомнения. Беатрикс вела полудикий образ жизни и значительную часть времени проводила в лесах, полях и болотах Гемпшира — с равным успехом ездилa верхом и ходила пешком. Обществу людей она открыто предпочитала дружбу с четвероногими, хвостатыми и крылатыми: постоянно подбирала больных и осиротевших животных, лечила, выхаживала, воспитывала. Те из питомцев, которые не могли вернуться в родную стихию, оставались в поместье и пользовались неусыпной заботой хозяйки. Среди деревьев, зверей и птиц мисс Хатауэй чувствовала себя счастливой и необходимой, а вот в личной жизни обстоятельства складывались не столь идеально.

Все чаще грызло неумное, томящее душу чувство неудовлетворенности, нередко перетекавшее в черную тоску. Основная проблема заключалась в том, что никак не удавалось встретить «своего» человека. В лондонских гостиных обитали бледные, рафинированные мужские особи, не вызывавшие иных чувств, кроме жалости. В деревне мужчины проявляли больше признаков жизни и даже умели казаться интересными, однако никто из них не обладал даже малой толикой того не поддающегося названию магического притягательного начала, о котором так мечтала Беатрикс. Она искала человека, равного себе по остроте чувств и силе воли. Хотела самозабвенной любви... страсти... сражений и побед.

Мисс Хатауэй посмотрела на сложенное письмо.

Нельзя сказать, что она плохо относилась к Кристоферу Фелану — скорее, сознавала, что джентльмен представляет полную противоположность ей самой. Прекрасно

воспитанный светский молодой человек естественно, без тени напряжения вращался в том кругу, где она чувствовала себя чужой, а порой и лишней. Вырос он в весьма состоятельной семье: дед по материнской линии носил графский титул, а семья отца занималась корабельным бизнесом и заработала значительный капитал.

Хотя семейство Феланов не могло претендовать на древний аристократический герб, старшему из двух сыновей, Джону, после смерти деда предстояло унаследовать старинное родовое поместье Ривертон, расположенное в графстве Уорикшир. Джон с детства проявлял похвальную рассудительность, а женившись, стал прекрасным семьянином и любящим мужем, готовым исполнить любое желание супруги Одри.

Кристофер вырос человеком совсем другого склада. Как часто случалось с младшими сыновьями, в возрасте двадцати двух лет он приобрел патент на офицерский чин и поступил в армию корнетом — лучшее занятие для молодого красавца, особенно если учесть, что его главной служебной обязанностью было везти знамя кавалерии во время парадов и строевых учений. Лондонские дамы обожали блестящего военного, а он не перегружал себя излишней заботой о формальностях, то и дело покидал расположение полка и с удовольствием проводил время в танцах, пирушках, азартных играх, мотовстве и скандальных любовных приключениях.

Беатрикс видела Кристофера дважды. Первая встреча состоялась на танцах в Стоуни-Кросс, и впечатление оказалось крайне неблагоприятным: более дерзкого и самоуверенного человека не удалось бы найти во всем Гемпшире. Ну а во второй раз довелось вместе провести время на пикнике, и мнение ее изменилось в худшую сторону: мистер Фелан приобрел звание самого дерзкого и самоуверенного человека на всем белом свете. Дело в том, что

Беатрикс случайно подслушала разговор Кристофера с одним из приятелей.

— Странная особа эта мисс Хатауэй, — заметил он.

— А мне она кажется милой и оригинальной, — возразил собеседник. — И о лошадях рассуждает со знанием дела; ни одна из молодых дам не сможет с ней сравниться.

— Ничего удивительного, — сухо отозвался Фелан. — В конюшне эта особа выглядела бы более уместно, чем в гостиной.

С тех пор мисс Хатауэй старалась держаться подальше от корнета. И дело даже не в том, что сравнение с лошастью показалось обидным: ничего подобного. Лошади — чудесные животные, преданные и благородные. Кроме того, Беатрикс сознавала, что, не отличаясь яркой красотой, обладает немалым обаянием. Джентльмены не раз восхищались прекрасными темно-каштановыми волосами и выразительными голубыми глазами.

И все же скромная прелесть бледнела перед золотым великолепием Кристофера Фелана. Офицер сиял, как Ланселот, архангел Гавриил, а возможно, и Люцифер (если признать, что искуситель когда-то был самым прекрасным из ангелов): высокий, ясноглазый, с волосами цвета освещенной солнцем зрелой пшеницы. Безукоризненная военная выправка подчеркивала прекрасную атлетическую фигуру — сильную и прямую, как стрела. Каждое движение, даже самое медленное и ленивое, отличалось сдержанной энергией и непринужденной грацией сознающего свое беспорное могущество хищника.

Не так давно Фелан попал в число немногих избранных, отозванных из различных полков и включенных в состав вновь созданной особой части Стрелковой бригады. «Стрелки» — как их стали называть — представляли собой особую когорту военных, призванных полагаться на собственную инициативу. Во время военных действий им предстояло проникать за линию фронта и уничтожать вражеских офицеров

и лошадей, не доступных с обычных позиций. Удивительная меткость Фелана не осталась незамеченной, и скоро он получил чин капитана Стрелковой бригады.

Беатрикс подозревала, что завидное продвижение по службе вряд ли могло обрадовать офицера — в первую очередь потому, что блестящую, почти театральную гусарскую форму, черную, с богатым золотым шитьем, пришлось сменить на невзрачный темно-зеленый мундир.

— Можешь почитать, пока я приведу в порядок прическу, — предложила Пруденс, усаживаясь перед зеркалом.

— Но твои волосы и так безупречны! — воскликнула Беатрикс, восхищенно рассматривая замысловатую конструкцию из светлых кос. — Тем более что мы собираемся всего лишь прогуляться до деревни. Никто даже не узнает, что у тебя на голове.

— Я узнаю. Да и вообще, разве можно предположить, кого встретишь по дороге?

Беатрикс уже успела привыкнуть к постоянному кокетству подруги, а потому лишь улыбнулась и покачала головой:

— Что ж, если не имеешь ничего против нарушения тайны переписки, прочитаю рассказ о собаке.

— Не надейся, не прочитаешь. Пока ты доберешься до нужной страницы, уснешь по дороге. — Пруденс передернула плечами и метким движением вонзила в косу очередную шпильку.

Беатрикс взглянула на исписанную мелким почерком страницу. Слова теснились, словно с трудом помещаясь на строчках, а тугие, как пружинки, завитки букв грозили распрямиться и выскочить на волю.

«Дорогая Пруденс.

Сию в пыльной палатке и пытаюсь придумать какие-нибудь выразительные, красноречивые слова. Увы, бесполезно. Вы заслуживаете пышных комплиментов, но могу сказать лишь одно: не перестаю о вас думать. Представляю,

как держите это письмо, чувствую тонкий аромат духов на вашем запястье. Хочется тишины, прозрачного воздуха, постели с мягкой белой подушкой...»

Беатрикс удивленно вскинула брови и недоуменно посмотрела на подругу. Высокий ворот платья внезапно стал тесным, удушающим.

— Неужели тебе это кажется скучным? — Вопрос прозвучал почти смущенно, а на щеках вспыхнул румянец.

— Начало — лучшее, что здесь есть. Читай дальше, — распорядилась Пруденс.

«...Два дня назад, продвигаясь вдоль побережья к Севастополю, на реке Альма сразились с русскими. Говорят, победа осталась за нами, но радости никто не чувствует. Потеряли две трети офицеров и четверть сержантского состава. Вчера копали могилы. Список убитых и раненых уже окрестили «счетом мясника». На сегодняшний день погибли триста шестьдесят британцев, но вскоре число погибших возрастет: многие из раненых не выживут.

Один из павших, капитан Брайтон, привез лохматого терьера по кличке Альберт — самую упрямую и непослушную собаку на свете. Когда Брайтона похоронили, пес уселся у могилы и несколько часов подряд выл не переставая, а каждого, кто осмеливался подойти, норовил укусить. Я имел неосторожность поделиться с беднягой галетами, и теперь несчастное создание не отстает от меня ни на шаг. Вот и сейчас сидит в моей палатке, смотрит на меня полусумасшедшими глазами, а выть перестает лишь изредка. Стоит подойти, сразу бросается в атаку. По суровым военным правилам пса, конечно, надо было бы пристрелить, но я и без того устал от убийств. В скольких семьях оплакивают потерянные жизни близких? Погибли сыновья, братья, отцы. Я уже обеспечил себе место в аду, а война ведь недавно началась. Чувствую, что стремительно меняюсь, и не в

лучшую сторону. Человека, которого вы знали, больше не существует. Боюсь, что тот, кто пришел на его место, симпатии не вызовет.

Запах смерти... повсюду запах смерти.

Поле битвы усеяно кусками человеческих тел, обрывками одежды, подметками от сапог. Попробуйте представить взрыв, способный оторвать подошву. Говорят, что в местах сражений дикие цветы растут особенно буйно: земля вспахана и полита кровью; семена обильно прорастают. Хочется уйти в себя, погрузиться в печаль, но нельзя: не место и не время. Придется прятать чувства.

Остался ли на свете хотя бы один мирный уголок? Прошу, напишите мне. Расскажите мне о новой вышивке, о любимой песне, которую вы часто поете. Часто ли в Стоуни-Кросс идет дождь? А листья начали уже желтеть?

Ваш Кристофер Фелан».

Дочитав до конца, Беатрикс ощутила, как сердце наполняется неожиданным, неведомым состраданием.

Неужели такое письмо могло прийти от холодного, самовлюбленного, язвительного мистера Фелана? Трудно было поверить. Тоска, одиночество, душевная боль взывали к участию.

— Непременно напиши ответ, Пру, — посоветовала она и бережно сложила страницы; совсем не так, как впервые взяла их в руки.

— И не подумаю. Сочувствие лишь вызовет новые жалобы. Лучше промолчу: возможно, следующее письмо окажется веселее.

Беатрикс нахмурилась.

— Не секрет: капитан Фелан мне не очень-то симпатичен, но написать такое письмо... он заслуживает поддержки, Пру, честное слово. Просто черкни несколько строчек, несколько слов утешения. Много времени это не займет. А насчет собаки у меня есть совет...

— Отказываюсь обсуждать грязную обшарпанную шавку! Сама пиши!

— Я? Но мои письма ему не нужны. Он считает меня странной.

— Непонятно, с какой стати. Из-за того, что ты взяла на пикник Медузу?

— О, Медуза — исключительно воспитанная ежиха! — обиделась Беатрикс.

— Да, но тот джентльмен, который поранил руку, скорее всего так не считал.

— Он неправильно ее взял! Когда поднимаешь с земли ежика...

— Можешь не объяснять, потому что я никогда в жизни не прикоснусь ни к одному ежу на свете! Ну а что касается капитана Фелана... если его нытье так тебя тронуло, сочини ответ и поставь в конце мое имя.

— А разве он не заметит, что почерк другой?

— Не заметит. Я еще ни разу ему не писала.

— Но он же не мой поклонник, — упорствовала Беатрикс. — Я ничего о нем не знаю.

— Не волнуйся, знаешь ничуть не меньше, чем я. Знакома с его родными, дружишь с его невесткой. И я бы не стала называть мистера Фелана поклонником. Во всяком случае, он далеко не единственный. Я не намерена давать обещание выйти замуж раньше, чем жених не вернется с войны целым и невредимым. Кому нужен муж, которого до конца жизни придется возить в инвалидном кресле?

— А ты, оказывается, жестокая.

Пруденс гордо улыбнулась:

— По крайней мере честная.

Беатрикс взглянула с сомнением.

— И что же, честность не мешает переложить на чужие плечи ответственное дело — написать за тебя любовное послание?

Пруденс небрежно отмахнулась.

— И вовсе оно не любовное. И в его письме не найдешь ни слова о любви. Просто придумай что-нибудь жизнерадостное и ободряющее.

Беатрикс нашла затаившийся в складках повседневного платья карман и аккуратно спрятала сложенные листки. Сомнения не отступали: обман, пусть и ради благой цели, никогда и никого до добра не доводил. Но с другой стороны... никак не удавалось прогнать образ уставшего, страдающего воина: похоронив товарищей и вернувшись в тесную палатку с распухшими, до крови стертymi тяжелой лопатой ладонями, он торопливо пишет письмо. А рядом тоскливо воев осиротевший косматый пес.

Внезапно стало ясно, что сочинить ответное письмо — тяжкий труд. Да и Пруденс скорее всего просто струсила.

Беатрикс попыталась представить, с какой сердечной болью Кристофер покинул удобную приятную жизнь и оказался в мире, где само существование грозило оборваться со дня на день, с минуты на минуту. Воображение отказывалось рисовать избалованного красавца в условиях голода, одиночества, лишений, опасности и... смерти.

Она поймала в зеркале взгляд подруги.

— Так какая же твоя любимая песня, Пру?

— Если честно, то у меня ее вообще нет. Напиши ему о своей.

— Может быть, следует спросить совета у Одри? — предложила Беатрикс, имея в виду жену Джона Фелана.

— Ни в коем случае. У Одри проблемы с честностью: ни за что не отправит письмо, если узнает, что писала не я.

Беатрикс издала неопределенный звук, похожий одновременно и на смех, и на стон.

— Вряд ли подобный подход можно назвать «проблемами с честностью». Послушай, Пру, может быть, все-таки передумаешь и напишешь сама? И проблемы сразу исчезнут... такое простое, очевидное решение.